

Присѣвъ на корточки, я началъ работать охотничьимъ широкимъ ножомъ и такъ занялся этимъ дѣломъ, что не обратилъ даже вниманія на шумъ отъ падающихъ камней, раздавшійся неподалеку.

Цвѣтокъ былъ мною осторожно выкопанъ; я началъ заворачивать корень въ платокъ, какъ вдругъ, близъ моего лица, просвиšťлъ порядочный камень, и сильно ударившись о стѣнку, раскололся на нѣсколько кусковъ.

Я живо вскочилъ на ноги и только тутъ вспомнилъ, что ружье мое разряжено. Револьверъ, который я всегда носилъ на кушакѣ, былъ оставленъ внизу рабочему, и для защиты у меня оставался лишь мой ножъ и прикладъ ружья. Второй и третій камни ударились вполоть около меня въ стѣнку, и по силѣ, съ какой они ударялись, мнѣ казалось, что ихъ бросаютъ не рукой, а изъ пращи. По направленію, откуда они прилетѣли, не было ничего видно, кромѣ густыхъ кустовъ. Я перепрыгнулъ стѣнку обратно, и присѣвъ за нее, живо зарядилъ ружье, верхній штуцерный стволъ—пулей, нижній дробовикъ—картечью, и сталъ высматривать невидимаго врага.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ кустовъ выползъ на четверенькахъ человѣкъ, котораго можно было легко принять за звѣря. Это былъ старый, страшно исхудалый инородецъ. Длинные, густые, почти сплошь сѣдые волосы всключенной шапкой покрывали его какую-то остроконечную голову. Лицо, съ выдающимися скулами, отъ страшной худобы казалось трехъугольнымъ, и прилипшая къ костямъ кожа была такъ натянута, что морщинъ не было, а лишь тонкіе рубцы испещряли лобъ и виски. Узенькіе, широко разставленные, глубоко впалые глаза горѣли, какъ два уголька, какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Нѣсколько рѣдкихъ сѣдыхъ волосковъ покрывали верхнюю губу и подбородокъ, который острымъ угломъ загибался впередъ.

Инородецъ выпрямился и быстро подбѣжалъ къ брошенному мной цвѣтку. Съ какимъ-то остервенѣніемъ онъ сорвалъ и бросилъ платокъ, въ который я завернулъ-было корень, и началъ осторожно сажать цвѣтокъ на прежнее мѣсто, быстро, не то бормоча, не то напѣвая какую-то монотонную пѣсню.

Въ это время, со стороны обрыва, послышался громкій окликъ. Рабочій, наскучивъ ожидать меня, въ свою очередь взобрался на гору и громко вопилъ: ваше благородіе! баринъ! а баринъ!

Инородецъ какъ то съежился и совершенно по звѣриному повелъ носомъ.

— Степанъ! сюда, скорѣй!—крикнулъ я рабочему, который